

— учитель русского языка и литературы, проработавшая в школе более 40 лет. Краевед, заведующая школьным музеем И.А. Бунина в селе Васильевка.

**ГЛОТОВО-ВАСИЛЬЕВСКОЕ —
ТВОРЧЕСКАЯ «ЛАБОРАТОРИЯ»
И.А. БУНИНА**

Глотово-Васильевское, Измалково, Чернава, Скородное, Предтечево, Знаменское, Елец, Пушкинка, Бахтеяровка — для миллионов и миллионов людей даже нашей страны названия этих населенных пунктов вообще неизвестны, да и для жителей наших соседних областей ничего не значат, совсем для немногих о чем-то говорят и то, если рядом упоминается имя И.А. Бунина.

Никакой нашей заслуги нет в том, что мы земляки русского писателя, классика русской литературы, лауреата Нобелевской премии И.А. Бунина. Наш, его земляков, долг в том, чтобы не только знать его имя, но и изучать его творчество, учиться у него любить ту землю, на которой живем, учиться понимать окружающую нас природу, воспитывать в себе чувство сопричастности, «совосоединительности» с миром, в котором мы есть, частью которого мы являемся.

Бунину было всего девятнадцать лет, когда он написал эти строки:

Но я люблю, кочующие птицы,
Родные степи. Бедные селенья —
Моя отчизна; я вернулся к ней,
Усталый от скитаний одиноких,
И понял красоту в ее печали
И счастье — в печальной красоте.

Ими он выразил любовь тысяч и тысяч русских людей к нашей малой родине.

Бунин всю свою долгую и трудную жизнь был бездомен, «как птица

Anna Nemitova

— professeure de langue russe et de littérature russe ayant travaillé à l'école depuis 40 ans, spécialiste en histoire régionale, directrice du musée d'école de Bounine I. A. dans le village Vasilievka.

**GLOTOVO-VASILIEVSKOE —
«LABORATOIRE» DE CRÉATION
DE I. A. BOUNINE**

Glotovo-Vasilievskoe, Izmalkovo, Chernava, Skorodnoe, Predtechevo, Znamenskoe, Ielets, Pouchenka, Bakhtiyarovka... des millions et des millions d'habitants de notre pays ne connaissent point les noms de ces lieux, et même les habitants des régions voisines n'y portent aucune attention. Il n'y a que certains qui se rappellent quelque chose si l'on mentionne parallèlement le nom de I. A. Bounine.

Habiter sur la même terre où habitait I. A. Bounine, un écrivain russe mondialement reconnu, un des classiques de la littérature russe, lauréat du Prix Nobel de littérature, être ses compatriotes, on ne pourrait pas nommer ce fait un mérite. Nous, compatriotes et adorateurs de l'écrivain, devons non seulement connaître son nom, mais aussi étudier son oeuvre, apprendre à aimer la terre comme il l'aimait, ce pays où nous vivons, apprendre à apprécier la nature qui nous entoure, élever en nous ce sentiment profond de la participation et de l'union avec le monde où nous sommes, dont nous sommes la partie.

Bounine avait 12 ans quand il a écrit ce poème:

Mais j'aime, les oiseaux migrateurs,
Les chères steppes. Les pauvres villages —
Ma Patrie; j'y suis retourné,
Fatigué de mes errances solitaires,
Et j'ai conçu la beauté de sa tristesse
Et le bonheur — dans sa beauté affligée¹.

Ainsi a-t-il exprimé l'amour des milliers et des milliers de gens russes envers notre pays natal.

Bounine a passé toute sa vie, longue et dure, dans l'errance, sans maison, «comme un oiseau migrateur», et ce qui s'expliquait par de nombreuses raisons. Mais «la maison» pour lui était avant tout une forteresse spirituelle, couronnée de mémoire patrimoniale, de légendes transmises d'une génération à l'autre. C'est une telle maison que l'écrivain aimait, appréciait, adorait:

Dans une allée, devant une vieille maison
Il y avait un banc vermoulu et noir...
Comme à l'ancienne dans cette
vie quotidienne

Mon âme s'attriste,
Elle revient à ses sources...²

1 No ia liubliu, kochuiushchie ptitsy,
Rodnye stepi. Bednye selen'ia —
Moia otchizna; ia vernulsia k nei,
Ustalyi ot skitanii odinokikh,
I ponial krasotu v ee pechali
I schastie — v pechal'noi krasote

2 V allee, pered starym domom
Gnilaia, chernaia skam'ia...
Na staryi lad v bytu znakomom
Dusha pechalitsia moia,
Ona k istokam vorotilas'...

небесная», причин тому было много. Но понятие «дом» для него — это прежде всего духовная крепость, повитая родовой памятью, преданиями, передающимися из поколения в поколение. Такой дом писатель любил, ценил, боготворил.

В аллее, перед старым домом
Гнилая, черная скамья...
На старый лад в быту знакомом
Душа печалится моя,
Она к истокам воротилась...

Как ни странно, таким домом для Бунина стала усадьба Пушешниковых в Глотова-Васильевском. Этому дому было суждено стать для поэта «приютом муз и вдохновений».

Впервые Иван Алексеевич побывал в нашем селе Васильевском будучи мальчиком, когда с родителями приезжал погостить на праздники к Софье Николаевне, а чуть позже стал сюда заезжать по дороге из Елецкой мужской гимназии в Озерки. А тут еще в 1885 году брат Евгений приехал в Васильевское свататься к Настасье Карловне Туббе, падчерице Отто Туббе, винодела и управляющего помещика Бахтеярова. Иван присутствовал при этом семейном событии, ему, пятнадцатилетнему юноше, очень понравилась Дуняша, сестра Настасьи Карловны. Это пылкое чувство подтолкнуло его к ведению дневника. Вот первые записи, появившиеся в 1885 году: «Перешел в 4 класс. Началю июня сватовство Евгения, поездки к его невесте, в семью винокура Отто Карловича Туббе, в Васильевское. Ее сестра Дуня. Прогулка в Колонтаевку,

по вечерам я под руку с Дуней, в которую будто был влюблен...» Запись зимой этого же года: «На Рождество приехал домой через Васильевское, Эмилия Васильевна Фехнер, гувернантка у Туббе. Тотчас влюбился».

Любовь, красота местной природы, уютное поместье сестры — все это зарождало в сознании Ивана Алексеевича художественные поэтические образы, питывало ум, сердце будущего классика русской литературы. Писатель вспоминал, что здесь, в прекрасной библиотеке Пушешниковых, он «пережил все свои юношеские мечты, первую жажду писать самому». Здесь, в Васильевском, на протяжении десятилетий создавались прекрасные произведения, в том числе, «Суходол», «Господин из Сан-Франциско», «Сны Чанга», стихи, здесь родился замысел повести «Деревня».

Бунин не раз отмечал, как много значит для него усадьба в Васильевском. В интервью корреспонденту газеты «Московские вести» он подчеркнул, что это «прекрасная старинная усадьба как нельзя лучше располагает к творческой работе». В своем дневнике 27 июля 1917 года Иван Алексеевич написал: «Деревенскому дому, в котором я опять провожу лето, полтора века. И мне всегда приятно вспоминать и чувствовать его старину. Старинный, простой быт, с которым я связан, умиротворяет меня, дает отдых среди моих постоянных скитаний. А потом я часто думаю о всех тех людях, что были здесь когда-то, рождались, росли, любили, женились, старились и умирали, словом, жили, радовались и печалились, а затем на-

Et paradoxalement le poète a retrouvé sa maison célébrée dans le poème dans le manoir de Pouchetchnikov à Glotovo-Vasilievskoe. Cette maison deviendra pour lui «un coin béni par les Muses et l'inspiration».

Pour la première fois Ivan Alekseevitch Bounine est arrivé dans notre village Vasilievskoe dans son enfance quand il est venu voir avec ses parents Sofia Nikolaevna et y passer les fêtes. Après il restait souvent dans cet endroit sur son passage: il allait normalement du gymnase pour garçons de Ielets à Ozerki. C'est ici que son frère Evgenii a demandé en mariage Nastasia Karlovna Toubbe, belle-fille de Otto Toubbe, viticulteur et gouverneur de la propriété foncière de Bakhtiyarov. Présent à cet événement de famille, Ivan, adolescent de 15 ans, est tombé amoureux de Douniacha, soeur de Nastasia Karlovna. Cet amour impétueux l'a poussé à tenir un journal intime dont les premières notes datent de l'année 1885: «Promu en 4ème classe. Début juin fiançailles de Evgenii, voyage chez sa fiancée, dans le domaine du bouilleur de cru Otto Karlovitch Toubbe, à Vasilievskoe. Sa soeur Dounia. Promenade à Kolontaevka, le soir je vais bras dessus dessous avec Dounia dont je serais amoureux...». Et puis une note d'hiver, la même année: «Rentrant chez nous pour Noël, passé par Vasilievskoe. Emilia Vasilievna Fehner, gouvernante chez Toubbe. Tombé tout de suite amoureux d'elle».

L'amour, la beauté des paysages, le domaine admirable de la soeur — tout faisait naître chez Ivan Alekseevitch des images poétiques, tout inspirait l'esprit et comblait de joie le coeur du futur classique de la littérature russe. Il se souvenait que c'est là,

dans la bibliothèque de Pouchetchnikov, qu'il a vécu «ses rêves d'un jeune homme», qu'il a eu «son premier désir d'écrire lui-même». A Vasilievskoe il a créé, pendant des décennies, de belles oeuvres prosaïques telles que *Soukhodol*, *Le monsieur de San Francisco*, *Les Rêves de Tchang*, ainsi que des poèmes. C'est ici même qu'il a eu l'idée d'écrire la nouvelle *Le Village*.

Bounine a beaucoup de fois remarqué à quel point il trouvait important pour sa création le domaine de Vasilievskoe. Dans une interview pour le journal *Moskovskie vesti* (Nouvelles moscovites) il a même souligné que «ce manoir ancien favorise toute création artistique». De plus, Ivan Alekseevitch a laissé dans son journal intime le 27 juillet 1917 une note suivante: «La maison de campagne où je passe mon été a plus de 150 ans. J'ai du plaisir à m'en souvenir et sentir son ancienneté. Une vie quotidienne d'autrefois, simple, à laquelle je me sens lié, me rend paisible, me reconforte dans mes errances éternelles. Et puis je pense à ceux qui habitaient ici jadis, y voyaient le jour, grandissaient, aimaient, se mariaient, vieillissaient et mouraient, donc, vivaient, se réjouissaient et s'attristaient, et après disparaissaient pour toujours, en devenant pour nous un rêve, des gens insolites d'autres époques, des êtres d'antan. Eux, absolument inconnus pour moi, ne sont que des images vagues, venant de mon imagination, mais ils sont toujours avec moi, ils sont mes proches et chers amis, ils me passionnent toujours par ce charme du temps passé».

Ces lignes adorables nous donnent des clés de création de nombreuses oeuvres de Bounine et peut-être même de son oeuvre toute entière. Même émigré, restant à l'étranger, il n'a pas trahi sa mémoire de

всегда исчезали, чтобы стать для нас только мечтой, какими-то как будто особыми людьми старины, прошлого. Они, — совсем неизвестные мне, — только смутные образы, только мое воображение, но всегда со мною, близки и дороги, всегда волнуют меня очарованием прошлого».

Эти замечательные строки открывают нам тайну создания многих произведений Бунина, может быть и всего его творчества. Даже за границей, в эмиграции, он не изменил своей памяти о родине, родных для него и для нас перелесках, лугах, полях. Сельские пейзажи были для его души не менее значимы, чем работа за письменным столом: «Темнеет — ездил в Остров (неподалеку от Васильевского. — А.Н.). Кукушка, за Островом зарницы. И опять, опять такая несказанно-сладкая грусть от вечного обмана еще одной весны, надежду и любви ко всему миру (и к самому себе), что хочется со слезами благодарности поцеловать ту землю. Господи, Господи, за что ты так мучишь нас!» (14 мая 1906 года).

Дневники И.А. Бунина полны зарисовками пейзажа села, усадьбы, постоянными наблюдениями. Вот еще строки: «Глотовский сад, бахтеяровский, зеленая долина под Колонтаевкой — все образовывало чудеснейший пейзаж, теплый, весенний. Зелень кле-нов яркая, лозин и берез — нежная, бледная; на зеленях возле Колонтаевки — чуть синеватый налет. Прелестная серебристость старых тополей в лугу под глотовской усадьбой» (28 мая 1911).

Замечательные записи об усадьбе, о доме, о людях, его населяющих, о жителях села и самом Глотове оста-

вила В.Н. Муромцева-Бунина в своей книге «Беседы с памятью»: «...село Глотово было живописнее Озерок, — шире и с большим населением. Там было четыре усадьбы: Глотовых, Казаковых, которые впоследствии продали свое поместье Глотовым, Бахтеяровых, с водочным заводом, и Пушешниковых; последнее называлось Васильевское. С двух сторон этих усадеб шли раскинувшиеся улицы с избами бывших крепостных этих помещиков; было две лавки, школа и церковь, возвышавшаяся на выгоне, рядом с Васильевским. На глотовской стороне жило духовенство. Поместье Бахтеяровых от других усадеб отделяла узкая речонка Семенек».

Бунин родился в Воронеже. Этот факт его биографии записан во всех справочниках. Но вышесказанным мы пытаемся доказать, что Бунин-поэт родился в нашем селе Васильевском, точнее на мосту через неширокую речку Семенек, на границе двух имений: Пушешниковых и Бахтеяровых. Именно на этом мосту в один из майских дней 1887 года грамотный кучер помещика Бахтеярова, возвращавшийся из Измалкова с корреспонденцией, догнал юношу Ивана Бунина и, подав ему толстый журнал «Родина», сказал:

«Он, Иван Алексеевич, а ведь ничего!» — так оценил критик из народа первую публикацию будущего лауреата Нобелевской премии. Это было стихотворение «Деревенский нищий».

Представьте состояние шестнадцатилетнего юноши, увидевшего свою фамилию в солидном издании под первым своим творением. Позднее

la Patrie, des taillis, des prés et des champs tellement chers pour lui et pour nous. Les paysages de campagne étaient pour son âme non moins importants que le travail d'écriture à table: «Le jour tombe, suis allé à Ostrov (pas loin de Vasilievskoe). Un chant de coucou, des éclairs de chaleur à l'horizon derrière Ostrov. Et de nouveau, encore, cette tristesse si douce, si inexplicable, causée par cette illusion éternelle du printemps, cet espoir et cet amour envers le monde entier (et envers moi-même), que je veux embrasser cette terre, les larmes aux yeux. Mon Seigneur, mon Seigneur, pourquoi nous tourmentes-Tu!» (14 mai 1906).

Les journaux intimes de I. A. Bounine sont pleins de petits mots sur le paysage du village et celui du manoir, sont remplis d'observations permanentes. En voilà encore quelques lignes: «Le jardin de Glotovo, de Bakhtiyarov, une vallée verte près de Kolontaevka — tout constituait un paysage merveilleux, doux, printanier. La verdure des érables était vive, celle des oseraies et des bouleaux — douce, pâle; les prés de Kolontaevka sont légèrement teints en bleu. Et encore un admirable ton argentin des vieux peupliers dans le champ près du manoir de Glotovo...» (28 mai 1911).

V. N. Muromtseva-Bounina a laissé de très belles notes sur le domaine, la maison, les gens y habitant, sur les villageois et sur Glotovo dans son livre «Conversations avec la mémoire»: «... le village Glotovo était plus pittoresque que le village Ozerki, — plus grand, avec plus d'habitants. Il y avait là-bas quatre manoirs appartenant aux familles des propriétaires fonciers: celui de Glotov, celui de Kazakov (qui l'ont vendu après quelque temps à Glotov), celui de Bakhtiyarov, avec une usine de vodka,

et celui de Pouchetchnikov, ayant le nom de Vasilievskoe. Des deux côtés de ces manoirs se trouvaient de larges rues bordées de izbas d'anciens serfs de ces propriétaires fonciers. Il y avait deux petits magasins, une école et une église s'élevant au pâturage près de Vasilievskoe. Du côté du manoir de Glotov habitait le clergé. Le manoir de Bakhtiyarov était séparé d'autres domaines par une petite rivière étroite Semen'ok».

Bounine est né à Voronej. Ce fait est enregistré dans tous les ouvrages de référence. Mais nous tenons à prouver ici que le Bounine-poète est né ici, dans notre village Vasilievskoe, à savoir sur le pont réunissant les deux bords de la petite rivière Semen'ok, à la frontière des deux domaines: celui de Pouchetchnikov et celui de Bakhtiyarov. C'est sur ce pont un des jours de mai 1887 que le cocher du propriétaire Bakhtiyarov, revenant de Izmalkovo avec la correspondance, a rattrapé le jeune Ivan Bounine et s'est exclamé en lui tendant une grosse revue littéraire *Rodina*: «Ca, Ivan Alekseevitch, c'est pas mal!» — ainsi le critique du peuple, sachant lire et écrire, a commenté le premier poème publié du futur lauréat du Prix Nobel. Il s'agissait du poème *Le mendiant de village*.

Imaginez l'état d'un garçon de 16 ans ayant vu son nom sous son oeuvre dans une revue reconnue de l'époque. Plus tard Ivan Alekseevitch se souvenait de cet état d'âme joyeux et excité avec lequel il a parcouru tous les proches aux alentours, il a presque volé de Vasilievskoe à Ozerki...

Lui-même nous a suggéré la direction possible de l'union du domaine de ses parents Ozerki et de celui de Glotovo-Vasilievskoe devenu pour lui un vrai abri et un laboratoire créatif pour de longues an-

Иван Алексеевич вспоминал то радостно-приподнятое состояние души, с которым он бежал всю родню в округе, почти полетел из Васильевского в Озерки...

Он сам нам указал путь объединения родительских Озерок и села Глотова-Васильевское, которое стало ему родным приютом и творческой лабораторией на долгие годы. Именно этими путями «меж колосьев и трав» исходил, изъездил все наши села и деревни, знал наши небольшие лесочки Заказы, Острова, Ярушки, Дубровки...

Природа нашей округи, запахи земли, воздуха напитали его так, что ему хватило этой силы до конца его земной жизни и даже питала его надежду на тот, иной мир.

Срок настанет — Господь сына

блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»
И забуду я все — вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав —
И от сладостных слез не успею ответить.

Деревня с большой буквы, деревня как символ потерянной для него России — это наша деревня.

В своих дневниках В.Н. Муромцева-Бунина зафиксировала такой факт: однажды ночью она разбудила матавшего и стонущего во сне Ивана Алексеевича, и на ее вопрос «что случилось?» он, очнувшись, ответил, что ему приснился луг под Колонтаевкой весь в огне и он окончательно понял, что никогда не увидит ни деревню, ни Москву.

Это та самая Колонтаевка, которая была любимым местом прогулок Буниных, та самая Колонтаевка,

которая описана под названием Шаховское в рассказе «Митина любовь». Так вот в этой Колонтаевке мы живем, ежегодно проводим мероприятия, посвященные И.А. Бунину (фестивали, бунинские чтения, литературно-музыкальные мероприятия, экскурсии). Мы стараемся не только сберечь то, что осталось сегодня, но и поделиться как можно с большим количеством людей тем, что имеем, рассказать, что помним и знаем.

В любой день мы можем провести гостей села по «темным аллеям», показать несколько уцелевших древних елей, оставшихся от «проспекта», когда-то обсаженного ими с обеих сторон и описанного в «Митиной любви». Юные краеведы нашего села Васильевского с книгой в руках шаг за шагом прошли, следуя за героем рассказа «Митина любовь», убедились, что в рассказе много реалий Васильевского, например, родовое имение Мити («Митина любовь») и дом Писарева («Жизнь Арсеньева») — это усадьба С.Н. Пушешниковой. Это легко доказать, если сравнить их с описанием дома Софьи Николаевны, которое мы находим в книге Муромцевой-Буниной «Беседы с памятью». Сравним, мы найдем много повторяющихся элементов и характерных деталей в описании сада и дома: это — угловая комната с двумя окнами на запад и одним окном, выходящим в сад, на юг, в южной стороне сада — огромный клен, липовая аллея, прорезавшая фруктовый сад, погост и выгон сразу за садом, через речку напротив дома — усадьба винокура, сразу за валом сада с северной стороны — церковь, в нескольких

nées. C'est par de petites routes et de petits sentiers «parmi les herbes et les épis» qu'il a examiné tous les recoins, tous les petits villages et domaines, en découvrant de minuscules forêts (*lesotchki*) de Zakaza, Ostrov, Iarouchka, Doubrovka...

La nature du pays, les odeurs de la terre, de l'air l'avaient nourri et inspiré, et jusqu'à la fin de sa vie cette force unique le protégeait et lui procurait l'espoir d'une autre vie:

L'heure arrivera — et Seigneur demandera à son enfant prodigue:

«As-tu été heureux dans ta vie humaine?»
Et j'oublierai tout — sauf ces
Sentiers dans les champs parmi
les herbes et les épis —
Et les douces larmes m'empêcheront
de répondre³.

Le Village avec un grand V, comme symbole de la Russie à jamais perdue pour lui c'est notre village à nous.

Dans ces notes V. N. Muromtseva-Bounina a mentionné un fait suivant: une nuit elle a réveillé Ivan Alekseevitch, s'agitant et gémissant dans son lit, et à sa question «Qu'est-ce qu'il s'est passé?» lui, éveillé, a répondu qu'il avait vu dans son rêve le pré sous Kolontaevka envahi par le feu et il avait compris définitivement qu'il ne reverrait jamais ni son village natal, ni Moscou.

Il s'agit évidemment de cette Kolontaevka, lieu préféré des promenades

³ Srok nastanet — Gospod' syna bludnogo sprosit:
«Byl li schastliv ty v zhizni zemnoi?»
I zabudu ia vse — vspomniu tol'ko vot eti
Polevye puti mezh kolos'ev i trav —
I ot sladostnykh sliez ne uspeiu otvetit'.

des Bounine, cette Kolontaevka qui a été décrite sous le nom de Chakhovskoe dans le récit *L'Amour de Mitia*. C'est cette Kolontaevka que nous habitons, où nous organisons des événements consacrés à I. A. Bounine (festivals, lectures de Bounine, événements musicaux et littéraires, visites guidées). Nous essayons non seulement de sauvegarder ce qui est resté jusqu'à nos jours, mais aussi de le partager avec la plupart des gens, de raconter ce que nous savons et nous nous rappelons.

A tout moment nous pouvons montrer aux invités de notre village «les allées sombres», les vieux sapins demeurés miraculeusement intacts, ceux qui faisaient autrefois partie du «boulevard» bordé de tels sapins des deux côtés comme c'était décrit dans le récit *L'Amour de Mitia*. Les jeunes historiens de notre village Vasilievskoe ont suivi, pas à pas, le livre aux mains, le héros du récit *L'Amour de Mitia*, ont réalisé qu'y était décrites beaucoup de réalités de Vasilievskoe, par exemple, le manoir de famille Mitia (*L'Amour de Mitia*) et la maison de Pisarev (*La Vie d'Arseniev*) représentent le manoir de S. N. Pouchetchnikova. Ce qui est facile à prouver d'ailleurs, si nous les comparons avec les descriptions de la maison de Sofia Nikolaevna que nous retrouvons dans le livre de V. N. Muromtseva-Bounina «Conversations avec la mémoire». Il est possible de remarquer les mêmes éléments, les détails particuliers dans la description du jardin et de la maison: par exemple, une chambre du coin avec deux fenêtres donnant sur l'Ouest et une fenêtre donnant sur le jardin, côté Sud; dans la partie au Sud du jardin - un érable énorme, une allée plantée de tilleuls et perçant le jardin fruitier; un cimetière et un pâturage derrière

метрах от церковной ограды — лавка — все это мы встретим в воспоминаниях В.Н. Муромцевой-Буниной, в «Митиной любви» и в «Жизни Арсеньева». Эти места были дороги сердцу писателя, и он возвращался к ним вновь и вновь в своих произведениях.

Ни люди, ни время не пощадили ни одной усадьбы в Васильевском, но некоторые немые свидетели того времени еще остались. Сохранился дом Таганка, прототипа героя рассказа «Древний человек», камень-валун, на котором не раз сживал писатель с Филиппом Филипповичем Демкиным — Таганком, беседуя о прошлом, «о древнем». Сохранился верстовой столб, мимо которого не раз проходил Иван Алексеевич и к которому однажды, во время прогулки с Верой Николаевной, подошел, погладил и сказал: «Этому столбу уже более ста лет...»

Усадьбе в Васильевском, которая стала для Ивана Алексеевича приютом души на долгие годы, было суждено стать и местом, откуда начался его исход из России. Перед самым отъездом из Васильевского в октябре 1917 года он, может быть, предчувствуя неизбежную разлуку с родиной,

написал строки, пронизанные страданием и болью:

Мы сели у печки в прихожей,
Одни, при угасшем огне,
В старинном заброшенном доме,
В степной и глухой стороне.
Жар в печке утрюмо краснеет,
В холодной прихожей темно,
И сумерки, с ночью мешаясь,
Могильно синеют в окно.
Ночь — долгая, хмурая, волчья,
Кругом все леса и снега,
А в доме лишь мы да иконы
Да жуткая близость врага.
Презренного, дикого века
Свидетелем быть мне дано,
И в сердце моем так могильно,
Как мерзлое это окно.

По дневниковым записям поэта мы знаем, сколь трудными были последние месяцы Бунина в Васильевском, в России... Но и спустя годы за границей он мечтал об одном:

А ранним утром, белым и росистым,
Взмахни крылом, среди листвы шурша,
И растворишься, исчезни в небе чистом —
Вернись на родину, душа!

la maison; derrière la rivière en face de la maison — un manoir du bouilleur de cru; derrière le mur du jardin côté Nord — une église et à quelques mètres de l'enceinte de l'église — un banc. Tous ces éléments sont présents dans les mémoires de V. N. Muromtseva-Bounina, dans *L'Amour de Mitia* et dans *la Vie d'Arseniev*. Ces endroits étaient si chers à l'auteur qu'il y revenait chaque fois de nouveau dans ses oeuvres.

Les domaines de Vasilievskoe n'ont été épargnés ni par le temps, ni par les gens, mais il nous reste encore quelques endroits de l'époque de Bounine. Par exemple, il reste toujours la maison Taganka, dont le propriétaire a servi de prototype pour le récit *Un homme ancien*, une grosse pierre sur laquelle l'écrivain passait des heures avec Filipp Filippovitch Demkin, surnommé Tagan'ok, en parlant du passé et de «l'ancien». Il reste toujours une vieille borne kilométrique que Ivan Alekseevitch dépassait plusieurs fois et dont il s'est approché un jour lors d'une promenade avec Vera Nikolaevna et qu'il a caressée en disant: «Cette borne, elle a plus de 100 ans maintenant...»

Le manoir de Vasilievskoe, chéri par Ivan Alekseevitch, ce manoir qu'il croyait être l'abri de son âme pendant de longues années, est devenu le lieu d'où il a commencé sa fuite d'émigrant. Avant de quitter Vasilievskoe en octobre 1917 lui, sentant déjà la séparation inévitable, a écrit ces lignes pleines de souffrance et de douleur:

On s'est assis près du poêle dans l'entrée,
Seuls, près du feu éteint,
Dans une vieille maison abandonnée,
Dans ce côté lointain de steppe.
La braise dans le poêle rougit
d'un air sombre,
Il fait nuit dans l'entrée froide,
Et le crépuscule, se joignant à la nuit,

Bleuit dans la fenêtre d'une
lueur sépulcrale.
La nuit est longue, sombre, de loup,
Partout des forêts et des neiges,
Et dans la maison il n'y a que
nous et les icônes,
Et la proximité effrayante de l'ennemi.
Du siècle méprisable et sauvage
Je dois être le témoin.
Et mon coeur est tellement sépulcral
Comme cette fenêtre gelée⁴.

Nous savons d'après les notes du journal intime de Bounine à quel point difficiles étaient ses derniers mois à Vasilievskoe, en Russie... Mais même après des années passées à l'étranger il ne rêvait que d'une seule chose:

Et au petit matin, tout blanc
et tout couvert de rosée,
Agite ton aile, en bruissant dans les feuilles,
Et dissous-toi, disparais dans le ciel pure —
Reviens à la Patrie, mon âme!⁵

4 My seli u pechki v prikhozhei,
Odni, pri ugasshem ogne,
V starinnom zabroshennom dome,
V stepnoi i glukhoi storone.
Zhar v pechke ugriumo krasneet,
V kholodnoi prikhozhei temno,
I sumerki, s noch'iu meshaias',
Mogil'no sineiut v okno.
Noch' — dolgaia, khmuraia, volch'ia,
Krugom vse lesa i snega,
A v dome lish' my da ikony
Da zhutkaia blizost' vraga.
Prezrennogo, dikogo veka
Svidetelem byt' mne dano,
I v serdtse moem tak mogil'no,
Kak merzloe eto okno.

5 A rannim utrom, belym i rosistym,
Vzmakhni krylom, sredi listvy shursha,
I rastvoris', ischezni v nebe chistom —
Vernis' na rodinu, dusha!